

Голос звучал тихо. Глядя на явно неуверенного Тан Шаокэ, Су Юй не мог сдержать улыбки. Кончиком пальца он слегка приподнял подбородок Тан Шаокэ, склонив голову набок.

— Это я тебя спрашиваю или ты меня?

Тан Шаокэ с ухмылкой приблизил лицо, но Су Юй с отвращением отстранился, размахивая рукой, словно отгоняя запах, и указал на ванную.

— Быстро иди помойся. Помоешься — все объясню.

— Ты не пойдешь со мной?

Голос Тан Шаокэ звучал низко и соблазнительно. Он положил руки на спинку дивана, приподняв брови, и многозначительно взглянул вниз, явно намекая.

Су Юй лишь спокойно ответил.

— Если не справишься за десять минут, объяснять не буду.

С громким стоном Тан Шаокэ перепрыгнул через диван и бросился в ванную. Уже через пять секунд раздался звук льющейся воды.

Су Юй тихо рассмеялся, глядя на беспорядок на диване. Он начал приводить его в порядок, аккуратно расставляя подушки. Взгляд случайно упал на рамку с фотографией в углу, и он машинально положил ее на журнальный столик. Но, мельком взглянув на фото, Су Юй замер.

На снимке был он сам, в белой рубашке. Как Тан Шаокэ заполучил эту фотографию? Это было на церемонии открытия фильма «Владыка», в самолете. Тогда они встречались всего лишь в третий раз, и для Су Юй Тан Шаокэ все еще был недостижимым кумиром, «золотой ногой».

Но этот снимок явно был сделан тайком. Кумир тайком сфотографировал его?

Су Юй вдруг вспомнил, что Тан Шаокэ, признаваясь в чувствах, сказал, что любит его уже давно. Но ведь они познакомились всего три месяца назад.

Серьезно нахмурившись, он провел пальцем по рамке, пытаясь вспомнить что-то, но тщетно. В душе поднялось чувство досады. Кумир помнил его, а он забыл о нем совершенно.

Потупившись, Су Юй снова взглянул на рамку и вдруг удивился. Раньше он обратил внимание только на фото, но теперь заметил, что рамка явно была дешевой, максимум за двадцать юаней. Изготовлена она была грубо, деревянная рама слегка перекошена, но края были гладкими от частого использования. Очевидно, хозяин часто держал ее при себе.

Су Юй оглянулся на едва различимую фигуру в ванной, и уголки его глаз слегка покраснели. Он поднял рамку, чтобы вернуть ее на столик, но пальцы случайно задели защелку.

Защелка ослабла, и фото слегка сдвинулось вниз. Су Юй заметил, что за ним было еще одно.

Слегка пожелтевший снимок был виден лишь частично, но было очевидно, что он сделан давно. Рука Су Юй потянулась к рамке, но он заколебался.

Что, если это секрет Тан Шаокэ? Смотреть или нет?

Подумав, он просто перевернул рамку, вернув фото на место, защелкнул застежку и аккуратно

положил обратно.

Звук душа в ванной на мгновение прекратился. Су Юй выглядел спокойным, без сожаления или раскаяния. Подглядеть и незаметно вернуть на место — он мог бы это сделать, но уважение между людьми должно быть взаимным. Он не хотел и не желал узнавать Тан Шаокэ таким образом.

Он всерьез намеревался провести с Тан Шаокэ всю жизнь, и за это время он сможет узнать этого мужчину полностью.

С легкой улыбкой он подошел к окну, приоткрыл его и вдохнул свежий воздух. На полу и подоконнике повсюду были разбросаны окурки и пепел. Видимо, Тан Шаокэ действительно был очень взволнован.

Тан Шаокэ действительно заботился о нем. Су Юй еще больше утвердился в своем решении. Он расскажет все, включая свое возрождение.

Эта мысль появилась у него с тех пор, как он понял, что Тан Шаокэ любит его, и никогда не исчезала. Но в тот момент, когда лошадь понеслась, и он думал только о Тан Шаокэ, он осознал, насколько этот мужчина важен для него.

Су Юй тяжело вздохнул. Холодный воздух заставил его горло болеть, и он кашлянул. Глядя в окно, он почувствовал облегчение, приняв решение. Он не знал, как Тан Шаокэ отреагирует на такую невероятную историю. Иногда даже он сам задавался вопросом, не сон ли это, кошмар, из которого он не может проснуться.

Ведь боль, когда нож вонзился в его сердце, была настоящей.

Ведь когда его предали, рана в сердце была в сто раз болезненнее, чем физическая боль.

Еще с детства дядя Цзэ говорил ему, что он слишком добр и слишком доверяет своему выбору. Если он кого-то выбрал, то, что бы другие ни говорили, он верил безоговорочно.

Дядя Цзэ говорил, что он обязательно пострадает из-за этого, но Су Юй никогда не принимал это всерьез. До самой смерти.

— А Юй?

Из ванной донесся голос Тан Шаокэ.

Су Юй очнулся и подошел к ванной.

— Что такое?

Тан Шаокэ, шумя, приоткрыл дверь, высунув голову. Волосы его были мокрыми, лицо слегка покрасневшим, возможно, от пара или смущения. Он тихо подмигнул Су Юй.

— Я не взял сменную одежду.

Су Юй улыбнулся и пошел в спальню, чтобы открыть чемодан Тан Шаокэ. Одежда была свалена в кучу, и вид этого беспорядка вызвал у него легкое раздражение. Подумав, он выбрал комплект повседневной одежды, положил его на кровать, слегка прогладил утюгом, чтобы убрать складки, и отнес его.

Тан Шаокэ, услышав звук утюга, с радостью приподнял уголки глаз. Его жена была настоящей находкой: и в гостиной, и на кухне, и даже в таких бытовых мелочах она справлялась идеально. Таковую жену никто не смел обижать, иначе он бы устроил расправу.

— Вот.

Су Юй протянул сложенную одежду Тан Шаокэ, который осторожно приоткрыл дверь пошире. Су Юй усмехнулся.

— Как, боишься, что я воспользуюсь моментом?

— А то.

Тан Шаокэ быстро взял одежду и захлопнул дверь. Услышав щелчок замка, Су Юй недовольно закатил глаза.

Тан Шаокэ оделся быстро. Су Юй даже не успел вернуться на диван, как он уже вышел, опершись на дверь ванной и насвистывая. Увидев, что Су Юй обернулся, он засмеялся.

— Ты не увидел моего сексуального тела, так что теперь ты, наверное, очень расстроен, грустишь и страдаешь.

Су Юй даже не удостоил это вниманием. Он сел, скрестив ноги, и, словно хомяк, начал пить воду из чашки, надув щеки.

— Жена, я обиделся!

Тан Шаокэ сделал вид, что расстроен.

Су Юй повернулся и слегка улыбнулся.

— Не хочешь объяснений?

— Хочу, хочу.

Тан Шаокэ с улыбкой сел рядом с Су Юй, игриво потершись щетиной о его щеку. Увидев, что на лице Су Юй нет ни тени улыбки, он вдруг серьезно выпрямился и посмотрел на него.

Лицо Су Юй было напряжено, пальцы слегка сжались, ногти впивались в ладони, но боль не могла сравниться с воспоминаниями.

Тан Шаокэ был в замешательстве. Речь шла о Лу Имине, и Су Юй не сделал ничего плохого, ведь он спас жизнь. Но почему на лице Су Юй была такая сложная смесь эмоций: печаль, горе, но в то же время какое-то облегчение? Это заставило сердце Тан Шаокэ сжаться. Он крепко схватил руку Су Юй, разжав пальцы.

— Если тебе тяжело, не говори. А Юй, я верю тебе, всегда верил, и не стану злиться из-за таких вещей. Не торопись, хорошо?

Тан Шаокэ смотрел на Су Юй с болью в глазах.

Су Юй покачал головой, глядя на руку, держащую его ладонь. Тепло в глазах заставило его слегка всхлипнуть. Без утайки он рассказал все, что произошло в этой жизни и в прошлой.

Он говорил о том, как его обманули, использовали, о своем возрождении. Глаза Су Юй не смотрели на Тан Шаокэ, он опустил их, произнося каждое слово ровным, холодным голосом.

Выражение лица Тан Шаокэ было шокированным. Услышав, что Су Юй умер однажды, его сердце словно подвесили на тонкую нить, и боль была невыносимой. Он не знал, что чувствовал Су Юй в тот момент, но он знал, что ему было больно, и он готов был принять эту боль на себя.

— Вот так все и было. Поэтому я хотел компенсировать Лу Имину, это мой долг перед ним.

Лицо Су Юй оставалось непроницаемым, он лишь спокойно взглянул на Тан Шаокэ.

— Я закончил.

<http://bllate.org/book/16588/1515979>